

Т. Ф. Ляпкина

доктор культурологии, доцент

Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В РЕГИОНАХ РОССИИ

Интерес современных исследователей к процессам культурной трансформации в постсоветской России вызван прежде всего тем, что формирование и развитие демократических институтов и рыночных отношений сопровождаются разгосударствлением, децентрализацией, деидеологизацией, а также возникновением новых социальных институтов, форм и практик. Новые культурные индустрии, формы культурного производства, получившие определенный статус в секторе экономики государства, пробуждают интерес к научно-теоретическому и практическому анализу, ставя перед исследователями вопрос о социальной роли новых реалий культуры и их возможной теоретической концептуализации. Очевидно, что говорить о стратегиях государственного развития без учета и изучения этнического фактора нельзя. В современной России появился опыт конструирования новых регионально-национальных идентичностей. Анализ этого опыта национальных субъектов РФ представлен в статье.

Ключевые слова: регионально-этническая идентичность, новые культурные практики, конструирование идентичности, новые формы культурной индустрии.

«На рубеже XX–XXI вв. стремительные общественные трансформации, усложнение социальных процессов, размывание границ взаимодействий привели личность и общество к кризису идентичности, который хорошо иллюстрирует известное высказывание Зигмунда Баумана о том, что в мире перетасовываемых ценностей, изменяющихся маршрутов и расплывающихся рамок, идентичности представляются чем-то, что может надеваться и сниматься вроде костюма»¹.

---

¹ *Бауман З.* Текучая модерность: взгляд из 2011 года // URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman>.

Один из ведущих специалистов по исследованию идентичности Роджерс Брубейкер в своих публикациях справедливо отмечает, что «идентичность» – ключевой термин в повседневном словаре современной политики. Сегодня идентичности создаются, изменяются и множатся. Само понятие окутывает все большее социально-культурное пространство. В то же время, «идентичность» остается понятием слишком неопределенным, разрываемым между «сильным» и «слабым» значениями, эссенциалистскими коннотациями и конструктивистскими определениями, чтобы отвечать потребностям социального анализа¹.

Появление термина в социальных науках относится к концу 50-х – началу 60-х гг. XX в. Ключевым моментом является появление и популяризация работы Э. Эриксона «Childhood & society» (1950), в которой он вводит в научный оборот термин «кризис идентичности». Данный термин стал ключевым и в исследованиях этничности Гордона Олпорта, а также для социологических теорий ролей и референтных групп Нельсона Фуа и Роберта Мертона.

В 1980-х годах с развитием теории литературы и культурологии к изучению идентичности присоединились и гуманитарные науки. Оперирование понятием «идентичность» стало своеобразным топосом социальных и гуманитарных наук. «Идентичность» стала категорией не только аналитической, но и практической. Например, «предприниматели» от политики, которые пытаются убеждать общество осознать собственные интересы из понимания «идентичности» друг с другом, в контексте определенных целей или осознание отличий от других. В конечном счете, политиками это делается для оправдания и организации коллективных действий в определенном направлении. По-другому говоря, конструируя идентичность политики навязывают и ждут от сообщества действий соответственно идентичности: вы должны поступать таким образом, потому что вы есть те кто вы есть.

Характерной чертой современной политической культуры России стали попытки сформулировать и выработать общероссийскую национальную идею. Однако реальность по-

---

¹ Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 63.

следних, по крайней мере, двух десятилетий говорит о том, что этнические элиты в различных регионах России более успешны в нахождении пути к национальной идее. Они более результативны в конструировании национального текста, который понятнее тому, кому он предназначен. Ключевыми в национальном тексте являются символы-маркеры этнической коллективной памяти. В национальном тексте синтезируется мифологическое прошлое и реальное настоящее, «а маркеры хронотопа культурного мира – общие предки, культурный герой, великая история... приобретают качества неомифа с имманентно присущими ему характеристиками современных идеологов о защите общей/своей земли, что неизбежно подразумевает стремление к сохранению этнополитической государственности»¹. Р. Брубейкер и Ф. Купер, анализируя посткоммунистическое возрождение этнического национализма в регионах бывшего СССР, опровергают мнения о том, что его корни идут от сильных и глубоких корней национальной идентичности, которые удалось сохранить на протяжении десятилетий репрессий и безжалостных антинациональных коммунистических режимов². Они заявляют, что «возвращение подавленного» вообще не связано с попыткой утвердить и выразить идентичность. «Хотя советский режим был антинационалистическим и, конечно, являлся в значительной степени репрессивным, но он никогда не был антинациональным... Вместо того, чтобы безжалостно подавлять национальное (nationhood), Советский Союз предпринял беспрецедентные усилия по его институционализации и кодификации. Советская территория была разбита на более чем пятьдесят формально автономных национальных «отечеств», каждое из которых было объявлено «принадлежностью» определенной этнонациональной группы: Советский режим приписывал каждому гражданину этническую «национальность», которая определялась при рождении на основании происхождения, регистрировалась в идентификационных документах, запи-

---

¹ Амоглонова Д.Д., Ботомункуев С.Д., Варнавский П.К., Куклина В.В., Мисюркеева Ю.С., Содномпилова М.М. Буряты: социокультурные практики переходного периода. Иркутск, 2008. С. 4.

² Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.

сывалась в официальном делопроизводстве и использовалась, чтобы контролировать доступ к высшему образованию и рабочим местам. Совершая эти действия, режим не просто признавал или утверждал существующее положение; он заново создавал индивидов и территории как национальные. В этом контексте «сильное» понимание национальной идентичности как глубоко укорененной в докоммунистическом периоде, застывшей или безжалостно подавленной антинациональным режимом и возродившейся с распадом коммунизма, в лучшем случае, можно назвать анахронизмом, а в худшем - научной рационализацией националистической риторики»¹.

Но обратимся к конкретным региональным культурным практикам. Как нам представляется, региональный контекст очень важен для понимания этнической идентичности. Место, пространство, региональный ландшафт имеют значение именно тогда, когда мы сталкиваемся с феноменом неопределенной идентичности². Пространственные факторы важны в отношении, как к индивидам, так и к социальным группам. На регион можно посмотреть как на историю, нарратив. Его восприятие есть воспоминание и запоминание, ощущение и выработка социально-культурных навыков.

Понятию «культурные практики» можно дать определение как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле под культурными практиками можно понимать специфическое существование социума в некотором пространственном континууме. Разнообразие таких культурных практик связано со спецификой освоения культурного пространства региона (культурное пространство как мир воплощения ценностей). Под культурными практиками в узком смысле, мы понимаем специфические формы коммуникации или совместной деятельности по формированию (конструированию) регионально-этнической идентичности. Культурные практики, являясь механизмом развития коммуникации, направлены на создание новых объектов духовной культуры, наполненных новыми смыслами. П. Бурдье – автор теории практик, габитуса и социального пространства писал, что «история ин-

---

¹ Там же.

² В качестве примера можно привести миграцию длительного периода как причину неопределенности идентичности.

теллектуальной и художественной жизни может быть понята как история изменений функций институций по производству символической продукции и самой структуры этой продукции, что соотносится с постепенным становлением интеллектуального и художественного поля, т. е. как история автономизации собственно культурных отношений производства, обращения и потребления. Действительно, по мере того, как интеллектуальное и художественное поле стремится конституироваться одновременно с корпусом соответствующих агентов, определяя себя через оппозицию инстанциям, которые могут претендовать на законодательную власть в сфере культуры от имени власти или авторитета, внешних по отношению к самому полю производства, позиция интеллектуалов и художников в этом относительно автономном пространстве всегда стремится стать принципом выработки ими позиции, и одновременно, трансформации с течением времени этих выработанных позиций сначала в сфере эстетики, а затем и политики»¹. В нашем случае, в качестве новых культурных практик, направленных на формирование новых регионально-этнических идентичностей мы будем рассматривать деятельность национально-этнической элиты региона.

Итак, большая свобода регионов России, данная еще Б. Н. Ельциным, способствовала появлению такой тенденции, как «изобретение традиций». Это явление хорошо описано Э. Хобсбаумом на примере английских культурных практик². Изобретенные традиции – это сконструированные и формально институционализированные традиции, набор практик, которые имеют ритуальную или символическую природу и целью которых является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение³. Так, к изобретенным традициям бурят относится миф об исконности территории: «Буряты – аборигенный, коренной народ, исконно обитающий окрест Байкала, на территории Прибайкалья и Забайкалья... И поскольку территория Рес-

---

¹ *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–62.

² *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

³ Там же. С. 48.

публики Бурятия расположена в Забайкалье, буряты, составляющие лишь четвертую часть всего населения Республики – государства в составе Российской Федерации, являются государствообразующим народом, титульной нацией, давшей название государству – республике... бурятское население РБ составляет генеральную диаспору нации – народ, живущий в своем государстве, которое является притягательным центром для всех бурят»¹. А вот, еще она цитата: «Бурятские племена в древности жили на северной окраине монгольского мира, в регионе, носившем название Баргуджин-Тукум, по обеим сторонам озера Байкал. Баргуджин-Тукум представлял собой центр монголоязычного мира Прибайкалья, был исторической родиной монголоязычных древнебурятских племен баргутов, хори-тамагов, икиресов и других»².

В коллективной монографии, посвященной социокультурным практикам переходного периода у бурят высказывается идея о том, что «модернизированная мифологема великого прошлого апеллирует не только к славным страницам истории (участие бурят в Монгольской империи), но и к ее культурным героям, персонифицированным, в первую очередь, в образе Чингисхана. При этом миф о великом прошлом подразумевает героизацию истории и поиски в ней, во-первых, великих предков, а во-вторых – великого государства, выступающего в роли идеала, к которому следует стремиться. Свойственная мифу дискретность позволяет сомкнуть и отождествить великое прошлое и не менее великое будущее, резервируя за настоящим роль связующего звена»³. Заметим, что образ Чингисхана используется в качестве символа национального возрождения и в качестве национальной идеи не только бурятами, монголами, но и якутами. Например, художественный фильм снятый режиссером и действующим

---

¹ *Найдаков В.Ц.* Проблемы национально-культурного развития народов Республики Бурятия // Бурятия. 10. 04. 1997. С. 2.

² *Чимитдоржиев Ш.Б.* Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа. Улан-Удэ, 2000. С. 36.

³ *Амоголонова Д.Д., Ботомункуев С.Д., Варнаевский П.К., Куклина В.В., Мисторкеева Ю.С., Содномпилова М.М.* Буряты: социокультурные практики переходного периода. С. 7.

министром культуры Республики Саха А. Борисовым «Тайна Чингиз-хана» (2009).

«В научных и публицистических работах, характерных для второго этапа этнонационального возрождения (1996–2000 гг.), прослеживается тесная связь между характеристиками Чингисхана – великого полководца и гуманиста – с доказательством того, что он создал империю, основывавшуюся на принципах справедливости и равноправия. Такие оценки служили воспитанию у бурят чувства национальной гордости, но не в меньшей мере поиски в своей истории идеального государства являются следствием неудовлетворенности социально-политической и экономической ситуаций в России в целом и в Бурятии в частности», – пишет в своей диссертационной работе Д. Д. Амоголонова¹. Исследователь обращает внимание на то, что активная эксплуатация исторического образа была вызвана целым рядом причин: стремлением восстановить этнокультурные связи с Монголией; законодательно восстановить утраченный в 1958 году политоним бурят-монгол; осуществить ревитализацию исторической, политической и культурной памяти. И далее указывает, что идея территориального государственного суверенитета сопрягалась с доминирующей в националистическом дискурсе темой монгольской идентичности, ее возрождения и сохранения².

К числу сконструированных элементов этнорегиональной идентичности можно отнести любой элемент актуализированной и модернизированной культурной традиции: религию, традиционное хозяйство, художественное творчество, национально-культурный компонент в образовании, телевизионные и радиопрограммы, посвященные национальной культуре, деятельность политических и общественных организаций, в примере с Бурятией это Всебурятская ассоциация развития культуры, ревитализация интереса к национальной одежде, конкурсы красоты «Дангина» и «Гэсэр», разнообраз-

---

¹ Амоголонова Д.Д. Бурятские этнокультурные процессы в условиях трансформации российского общества (1990–2000 гг.): Автореф. дис. ... доктора ист. наук. Улан-Удэ, 2009. С. 37.

² Амоголонова Д.Д., Ботомункуев С.Д., Варнавский П.К., Куклина В.В., Мистуркеева Ю.С., Содномпилова М.М. Бурятия: социокультурные практики переходного периода. С. 8–9.

ные праздники и фестивали, сайт бурятского народа в Интернете, национальная кухня и многое другое.

Еще один опыт формирования этнорегиональной идентичности представлен в Республике Саха. Основной пафос конструирования идентичности якутов строится также на «изобретенной традиции» вокруг героического эпоса – олонхо. Уникальность этого феномена заключается в том, что это живая традиция и в Якутии до сих пор существуют сказительские ареалы олонхо (место жизни современных олонхосутов). Якутский народный эпос олонхо формировался, развивался и сохранялся в условиях разложения общинно-родового строя, патриархального быта и раннеклассовых отношений. Основные идеи и образы олонхо выражают наиболее глубокие жизненные интересы и чаяния якутов эпохи начала утверждения их самосознания как народности¹.

В 2005 г. эпос олонхо стал одним из победителей конкурса «Шедевры человечества» и был включен во Всемирный список нематериального культурного наследия человечества международной организации ЮНЕСКО. С этого момента работа по сохранению и распространению данной культурной ценности народа саха стала проводиться на государственном уровне. 36% опрошенного населения в сказительных ареалах считает, что для того чтобы олонхо стало символом единения людей, необходимо решить проблемы распространения и сохранения олонхо, а также обсуждать их на государственном уровне. Примерно столько же респондентов (38,1%) считают, что для этого необходимо вести пропаганду через СМИ². Средства массовой информации составляют основу для демонстрации и воспроизводства этничности, являясь этническим дисплеем, с помощью которого этничность не только воспроизводится и представляется общественности, но и конструируется, разворачивается, проживается каждым человеком³. В этой ситуации этническая идентификация предстает как ла-

---

¹ Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М. 1974.

² Осипова О.В. Героический эпос как элемент этнической идентификации саха: оценка в общественном мнении // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 4.

³ См.: Олейникова Ю.В. Культурные репрезентации в структуре этнической идентификации: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 10.

бильная, конструируемая с определенными целями в этнокультурном поле культурная сущность¹.

Исследователь регионально-этнической идентичности саха О. В. Осипова отмечает, что наиболее выраженными этноконсолидирующими маркерами оказались «язык», «родная земля, природа» и «культура», а олонхо, как культурная ценность народа, в данный момент не оказывает явного влияния на этническую идентификацию саха, хотя имеет потенциал стать одним из факторов формирования этнической идентичности. Люди не связывают свою этническую идентичность напрямую с олонхо, эпос является скорее одной из граней культурного наследия, которое, в свою очередь, имеет непосредственное влияние на этническую идентификацию его носителей. Тем не менее, нельзя отрицать того, что олонхо имеет явный консолидирующий потенциал для общества, поскольку интегрирует в себе такие этно-дифференцирующие маркеры, как знание языка, общую историческую память, почитание природы, любовь к родной земле, одновременно составляющие и архетипы олонхо. Потенциал олонхо как символа единения людей может быть реализован при содействии различных каналов его пропаганды, а их возможности далеко не исчерпаны. По мнению О. В. Осиповой, отношение населения к самому олонхо при его качественном формировании и тиражировании как информационного продукта может оказаться вполне положительным².

Таким образом, со всей очевидностью можно заключить, в постсоветском пространстве происходила и сейчас еще происходит этнизация идентичности, которая затронула все социально-культурные отношения и социальные и культурные институты, а также соответствующие дискурсы. Группы людей в разных регионах формируют разнообразные представления о своей общности и уникальности, главная цель которых – поддержание целостности и этно-регионального единства средствами и объектами, выполняющими символические и коммуникативные функции.

---

¹ *Осипова О.В.* Героический эпос как элемент этнической идентификации саха: оценка в общественном мнении. С. 1–10.

² Там же. С. 10.